

Китайский сюжет о Юе и его параллели.

Алексей Романчук.

25.02.2008

Эта статья представляет собой переработанный вариант первой части статьи «Юев народ и его прародина», которая была опубликована в сборнике «Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции». С.-Петербург, 7-10 февраля 2007 г. /Сост. и отв. ред. С.В.Пахомов. Спб.: Изд-во С.-Петербург.ун-та, 2007. - 817 с., с. 465-472

В китайской мифологической традиции присутствует интересный сюжет, связанный с именем персонажа по имени Юй, или Великий Юй. В этом сюжете Юй разделяет Поднебесную на девять округов после усмирения им потопа. Интересно, что, реконструируя исходный смысл этого сюжета, исследователи обращают внимание на то, что в более раннем написании эти «округа» выглядят как «острова». В частности, В. В. Дорофеева-Лихтман приводит комментарий древнего словаря «Шо вэнь», который указывает, что девять островов возникли в связи с тем, что во время потопа люди жили на участках земли, возвышавшихся над разлившейся водой. Примечательно, по ее мнению, и то, что центральный остров, определявшийся как домен Сына Неба, тоже состоял из девяти царств (Кравцова 1994: 158-159).

В этой связи М. Е. Кравцова в одной из своих более ранних работ (1994: 159) задалась вопросом – где мог сформироваться подобный мифологический сюжет? В дельте великой реки (но, отмечает она, ни Хуанхэ, ни Янцзы такой дельты не имеют) или на морских островах? Во всяком случае, у исконных обитателей бассейна Хуанхэ, по ее мнению, не могла сформироваться столь дискретная картина мира.

Поэтому она полагала, что истоки этого сюжета следует искать вне Китая.

На сегодняшний день, однако, по устному сообщению М. Е. Кравцовой, появились новые данные. Согласно им, такая модель могла сложиться в рамках неолитических культур юго-востока Китая, находившихся на территории современных провинций Чжэцзян и Цзянсу. Установлено, что вместо единой суши, в эпоху неолита оконечности этих провинций (для Чжэцзян – вплоть до района оз. Сиху) составляли острова.

Как видим, вопрос о месте локализации исходного центра формирования сюжета о Юе и девяти округах тесно связан с вопросом о времени появления этой мифологемы в Китае.

В этой связи, пытаюсь найти ответ на заданный М. Е. Кравцовой вопрос, я обратился к гипотезе о т. н. сино-кавказской языковой общности (Романчук 2007). Может быть, сюжет о Юе и девяти округах восходит к временам существования еще сино-кавказской языковой общности?

Анализ мифологий народов, составляющих сино-кавказскую языковую макросемью, приводит, однако, скорее к мысли об отрицательном ответе на этот вопрос. Видимо, сино-кавказская языковая общность не знала этой мифологемы.

Хотя, отдельные интересные параллели все же есть. И, несмотря на то, что языковое родство отнюдь не предполагает автоматически этнографического и

антропологического сходства (Дьяконов 1982: 16-18), тем не менее, при сравнении кавказской мифологии, мифологии кетов, тибетцев и представлений «народа Юя» мы обнаруживаем кое-что общее именно в космографии.

Так, в кавказской мифологии мы видим существование представления о горизонтальном членении мира (помимо вертикального). Перед центром мироздания расположен «передний мир» - светлый и благодатный. Сзади – «задний» или, буквально – «последний (!) мир», темный и опасный.

Впрочем, такое, достаточно простое, горизонтальное разделение мира распространено в космографиях довольно широкого круга народов, и, возможно, его следует считать универсальным. Но, что важно – в кавказской мифологии горизонтальные миры отделены друг от друга семью (девятью) хребтами или морями (Очиаури, Сургуладзе 1991: 603).

Хотя, и этот признак, пусть и более специфичен, все же недостаточно однозначен. К тому же, находим это представление мы, прежде всего, в грузинской мифологии. А грузинский язык, и картвельская языковая семья в целом, по общему мнению лингвистов на сегодняшний день, относится не к сино-кавказской макросемье, а к ностратической – туда же, куда и индоевропейская (Старостин 2000). Но, замечу в скобках, тем не менее игнорировать наличие этого представления в грузинской мифологии все же не стоит – поскольку в условиях Кавказа в течение тысячелетий происходило очень значительное взаимопроникновение культур.

Что касается мифологий собственно северокавказских народов, то в силу ограниченного для меня доступа к литературе по этой теме мне сложно судить, существовало ли подобное представление и у этих народов. Далее, в тибетской мифологии мы находим предание о девяти богинях бал, которые появились из «девяти последних яиц бытия». Девять яиц появились от пары небесных божеств, и укатились в разные страны. Белое яйцо с белой скорлупой – в страну лха, небо; яйцо с золотой скорлупой – в страну сабдаг, земля. Яйцо с железной скорлупой - в страну демонов дуд; яйцо с бирюзовой скорлупой – в страну лу; яйцо с хрустальной скорлупой – в страну ньен; яйцо с медной скорлупой – в страну син. Каменное яйцо докатилось до страны духов гег, а с алмазной скорлупой – до страны чева (Огнева 1991: 510).

Однако, и этот сюжет все же недостаточно близок к сюжету о Юе и девяти округах. К тому же, по всей видимости в тибетской мифологии он достаточно второстепенен. Поэтому, и данные тибетской мифологии скорее свидетельствуют против того, чтобы считать этот сюжет ядровым для мифологии народов, относящихся к сино-кавказской языковой макросемье.

Равно как и в тибето-бирманской мифологии как будто ничего похожего мы не находим (хотя и здесь мой доступ к литературе ограничен).

И только в кетской мифологии мы видим достаточно близкий к сюжету о Юе вариант. А именно, в кетской мифологии зафиксировано представление о том, что после появления земли происходило несколько потопов. Но люди и звери спасались, воскресая на торфяных островах. Предстоит еще потоп, после которого всплывут торфяные кочки и несколько человек оживет (Иванов, Топоров 1991: 645).

Такая близость очень любопытна. Но, в целом, она не может опровергнуть высказанный выше вывод о том, что сюжет о Юе и девяти округах не является ядровым для сино-кавказцев.

Однако, что интересно, очень близкую аналогию космографии «Юева народа» в мифологиях Индийского субконтинента – прежде всего индуистской, буддийской и джайнской.

В них присутствует такое представление, согласно которому мир состоит из нескольких материков – двип (Серебряный 1991: 358). Дви́па в индуистской мифологии

– континенты, омываемые каждый свои океаном. Число двип – от 4 до 18. Из них особо выделяется Джамбудвипа (джамбу – яблоня, растущая на склоне горы Меру, расположенной в центре мира). Джамбудвипа, иногда отождествляемая с Индией, делится на девять частей. Из них самая южная – Бхаратаварша, также иногда отождествляемая с Индией, и тоже состоит из девяти частей. И, важный момент – только в Джамбудвипе рождаются чакравартини[1].

Сходство с космографией «Юева народа», как видим, чрезвычайное.

И очень сходная космография (назовем ее «космография двип») – присутствует в общепубдийской (Мялль 1991: 191) и джайнской (Волкова 1991: 169) мифологиях.

К этому стоит добавить, что согласно некоторым вариантам индийских мифов, Брахма после сотворения мира отдыхал именно под сенью дерева шалмали – Шелковицы (Эрман, Темкин 1985: 15).

А, в уже упомянутой работе, М. Е. Кравцова, анализируя цикл мифов древнекитайской мифологии, связанных с Солнечной Шелковицей, обратила внимание, что все эти мифы, так или иначе, стягиваются к образу Великого Юя (мифического основателя династии Ся). В том числе, полагает она, и миф о девяти солнцах на солярном древе (Кравцова 1994: 158) – поскольку, опираясь на отдельные упоминания в древнекитайских текстах, она реконструирует и существовавшую, по всей видимости форму этого сюжета, как миф о солнцах, выходящих из девяти протоков.

Находим мы аналогии и самому Юю. Его ближайшим родственником следует признать Вишну (в скобках хочу заметить, что идея о близости и родстве образов Вишну и Юя высказывал в свое время Л. Я. Штернберг (Евсюков 1988: 99)). Среди его подвигов упоминаются, причем уже в «Ригведе», и «три шага Вишну» (Гринцер 1991: 24-25). В образе карлика Вишну попросил у царя демонов столько земли, сколько он сможет отмерить тремя шагами. Превратившись в великана, он одним шагом покрыл небо, вторым землю. Третий же делать не стал, оставив подземный мир демонам.

Юю, как известно, тоже приписывалось измерение земли – деяние, которое достаточно однозначно интерпретируется (и интерпретировалось уже древними китайцами) как упорядочивание космоса. Тот же смысл имеет и подвиг Вишну.

И хотя в основных версиях китайского мифа Юй измеряет землю с помощью специального инструмента (нефритовой пластинки, подаренной Фу-си), в этой же связи нельзя не вспомнить о «юй бу» – «шаге Юя». Именно этот шаг используется и в даосских ритуалах. По описанию же «Баопуцзы», речь идет как раз о повторяющемся чередовании трех шагов (Торчинов 2001: 128; Евсюков 1988: 99). И, что очень важно, в даосском трактате «Хуайнаньцзы» (и не только – http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/114_96.htm) упоминается, что помощники Юя измеряли землю как раз шагами.

Поэтому, в свете всех этих фактов, следует полагать, что именно область Восточной Индии была тем местом, откуда пришла космография «Юева народа» в Китай. География низовьев Ганга и Брахмапутры вполне удовлетворяет тем условиям, которые, по мнению М. Е. Кравцовой, могли привести к формированию дискретной картины мира

Либо, разумеется, наоборот – центр формирования такой космографической модели находился на юго-востоке Китая, а затем проник в Юго-Восточную Азию и непосредственно в Индию.

Однако у нас есть ряд оснований полагать, что более вероятным является все же вариант движения с запада на восток.

В пользу этого говорит, прежде всего, широкая популярность «космографии двип» в трех наиболее значительных мифологиях Индийского субконтинента. Далее, при попытке обнаружить источник «космографии двип» я проверил, как вообще встречается горизонтальное деление мира в космографиях различных мифологий. Оказалось, что хотя оно и есть достаточно широко, но в столь развитом виде – гораздо уже. И, в наиболее развитом виде оно представлено у индоевропейцев.

Позволю себе обширную цитату из статьи специалиста по мифологии осетин Ю. А. Дзиццойты – она того заслуживает.

«Мир, согласно Авесте, делится на семь областей, или «семь каршваров». «Иранцы представляли себе их в виде кругов, самый большой из которых - Хванирата - населен людьми. Они считали, что он расположен в центре этих кругов, а остальные шесть окружают его и отделены друг от друга водами и густыми лесами». ...

Аналогичные представления существовали и у древних индийцев. Согласно древнеиндийской космографии, Вселенная, отождествляемая с материком Джамбудвипа, находится в центре шести других материков и шести океанов, расположенных вокруг нее кольцеобразно. Как полагают комментаторы Ригведы, именно эти семь миров имеются в виду в одном из гимнов, где говорится о том, что Агни обходит «вокруг семи мест». В другом гимне творец вселенной с семью мирами назван «хозяином племен с семью сыновьями». Ср. также «семь сторон света с разными солнцами». В небесной космографии Ригведы упоминаются «семь склонов», по которым мчится Сома до самого неба.... Индра, убив Вритру, выпустил течь семь рек, а Варуна живет у истока семи рек, своих сестер, находясь посередине, что означает нижнее основание мировой оси. Мир ария нередко кодируется выражением "семь рек" (sapta sindhavaḥ)» (Ю.А. Дзиццойты <http://cominf.org/2006/03/01/1141200699.html>).

Правда, здесь речь идет о сакрализации числа семь, а не девять. Однако, легко вспомнить русские сказки с из стандартным зачином – «в тридевятом царстве, тридевятом государстве», или русское же выражение «за тридевять земель». Очевидно, это проявление если и не общеиндоевропейской традиции, то более широкой, нежели индоиранская.

В скобках замечу - здесь, возможно, стоит учесть и описание Платоном Атлантиды, а также его же рассказ о сотворении души в диалоге «Тимей».

В Китай же, судя по всему, космография «Юева народа» пришла через Индокитай – именно там, под влиянием представлений аустроазиатских народов, с характерным для них мифом о сбивании лишних солнц (Романчук, Пантелеева 2007), дерево джамбу обрело живущие на нем солнц и стало Солнечной Шелковицей.

В этой связи стоит также отметить, что есть «космография двип» и в мон-кхмерской мифологии (Чеснов 1992: 340), причем там присутствует даже гора Сомеру (Меру). И, по мнению Я. В. Чеснова, эта мифологема относится к древнему пласту мон-кхмерской мифологии.

Но, очевидно, относится импульс «Юевой космографии» из Восточной Индии к временам более поздним, чем существование сино-кавказской языковой макросемьи. Его большую выраженность у кетов, видимо, тоже стоит объяснять этим поздним импульсом. Но, на мой взгляд, «Юев народ» приходит в Китай еще до иньцев (Романчук 2005).

В этой же связи стоит обратить внимание на последние исследования по поводу локализации прародины семьи Мунда, которые склоняются к тому, что формирование народов мунда происходило в Восточной Индии, а затем оттуда прото-Мунда двигались на восток, в Юго-Восточную Азию (Fuller 2007: 429-431).

Могли ли одновременно с ними или «на хвосте» у них проникнуть в Китай и какие-то группы индоевропейцев? Ранее я попытался привести кое-какие аргументы в

пользу этого (Романчук 2005). Здесь же добавлю, что Д. Фуллер склоняется к тому, чтобы датировать распад языковой общности прото-Мунда не ранее середины – второй половины III тыс. до н. э. (Fuller 2007: 431).

Литература:

- Волкова О. Н. 1991 Джайнская мифология. Мифы народов мира. М., т.1
Гринцер П. А. 1991 Аватара. Мифы народов мира. М., т.1
Дзищойты Ю. А. Семь богов и семь миров осетинской мифологии. <http://cominf.org/2006/03/01/1141200699.html>
Дьяконов И. М. 1982 О прародине носителей индоевропейских диалектов. 1. ВДИ, №3
Евсюков В. В. 1988 Мифология китайского неолита. Новосибирск.
Иванов В. В., Топоров В. Н. 1991 Кетская мифология. Мифы народов мира. М., т.1
Кравцова М. Е. 1994 Поэзия древнего Китая (опыт культурологического анализа). Спб.
Мялль Л.Э. 1991 Буддийская мифология. Мифы народов мира, М.. Т.1
Огнева Е. Д. 1992 Тибетская мифология. Мифы народов мира. М., т.2
Очаури Г. А., Сургуладзе И. К. 1991 Кавказо-иберийских народов мифология. Мифы народов мира. М., т.1
Романчук А. А. 2005 Миграции индоевропейцев и происхождение даосизма. Revista de etnografie, vol. I, Chisinau
Романчук А. А. 2007 Юев народ и его прародина. Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции. С.-Петербург, 7-10 февраля 2007 г. /Сост. и отв. ред. С.В.Пахомов. Спб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та.
Романчук А. А., Пантелеева Е. Б. 2007 Стрелок И. и миф о сбивании солнц. Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции. С.-Петербург, 7-10 февраля 2007 г. /Сост. и отв. ред. С.В.Пахомов. Спб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та.
Серебряный С. Д. 1991 Дви́па. Мифы народов мира. М., т.1
Старостин С. А. 2003 У человечества был единый праязык (Беседа Г. Зеленко с С. Старостиным) Знание – Сила, № 8 <http://www.philology.ru/linguistics1/starostin-03a.htm>
Торчинов Е. А. 2001 Даосские практики. Спб.
Чеснов Я. В. 1992 Промы. Мифы народов мира. М., т.2
Эрман В. Г., Темкин Э. Н. 1985 Мифы древней Индии. М.
Fuller D. 2007 Non-human genetics, agricultural origins and historical linguistics in South Asia. The Evolution and history of human population in South Asia, 2007, (Petraglia M. D., Allchin B.(eds.))

2[1] ЧАКРАВАРТИН (санскр. cakravartin — «поворачивающий колесо [как символ царской власти]», правитель круга [земель], господин круга [земли]), в индуизме, джайнизме и буддизме, идеальный монарх, распространяющий свою власть на всю цивилизованную территорию и обеспечивающий на ней совершенный религиозно-нравственный порядок.